

Афганистан идет за нами вслед...

(повесть)

Александр Колотило (г. Москва)

04 декабря 2008

Глава пятая (часть. 4)

Дело было зимой. Степанов с Терентьевым, только что позавтракав, вышли из палатки и стали свидетелями трагического случая. Четырехмоторный "Ан-двенадцатый" проскочил взлетно-посадочную полосу, сбил столбики с колючей проволокой и вылетел на позиции артполка, зацепив крылом машину. Десантируемая "Газ-шестьдесят шестая" с направляющими (реактивная система залпового огня - по-просту "Катюша", а по-современному "Град") кувырнулась, как игрушечная. Самолет развернуло почти на сто восемьдесят градусов, он воткнулся винтами в землю и задымился.

Все помчались к месту катастрофы. Подбегая к позициям, Степанов бросил взгляд на перевернутую машину. Из ее кабины артиллеристы вытаскивали водителя. Офицер заметил, что было много крови. "Угробили парня", - подумал на ходу. Но как позже выяснилось, солдат выжил. Ему только сильно свезло кожу на лице и на руках.

В хвосте самолета открылся люк и оттуда спрыгнули на землю два человека. Это были командир корабля и бортехник.

— Кто там остался? В самолете есть еще люди? - подбежали с вопросами десантники. - Да что же вы молчите?! Говорите же!..

Авиаторы были в шоке. С трудом добились от них нескольких фраз. Штурман, находившийся внизу в плексиглазовом колпаке, смятом в лепешку, погиб наверняка. Осталось два человека. Но к ним не пройти - груз сдвинулся.

— А запасной люк?

Командир пожал плечами - его тоже надо открывать изнутри.

— Руби, ребята!.. - догадался прапорщик из рембата.

И первый, схватив оказавшуюся под рукой кирку, начал что есть силы бить в дверку. Люк не поддавался. На помощь пришли еще два человека с ломом и топором.

Командир корабля, молодой парень, стоял и отрешенно смотрел, как десантники крушат его самолет. Он не проронил ни слова. Кто-то подал офицеру прикуренную сигарету. И тот сразу жадно затянулся на все легкие...

Тем временем подлетела санитарная машина. Благо, ехать было от медсанбата не больше километра. "Реанимационная", - прочитал Алексей на лобовом стекле. Прапорщик с помощниками, наконец, выворотили люк. Полезли в самолет. Через пару минут, чихая и кашляя, передали одного пилота, затем другого. Оба авиатора были без сознания. Их тут же уложили на носилки. Врач прижал к лицам летчиков кислородные маски, и машина помчалась в медсанбат. Последним извлекли мертвого штурмана. В самолете горела проводка - где-то замкнуло.

Позже десантники узнали причину катастрофы. Этот борт пришел из Ферганы. Летчики неудачно зашли на посадку. Земля дала команду еще на один круг.

— Штурман, пойдём на следующий? - спросил командир экипажа (по [МС-61 - штурман](#)).

— Не стоит, сядем, - ответил тот (по [МС-61 - командир](#)).

Вот и сели. Погиб один штурман...

— Что будет с ребятами? - спросил Степанов у знакомого летчика, служившего в Кабуле.

— Суд экипажа, - ответил тот. - Разберутся досканально по каждому, но, конечно же, больше всего выпадет на долю командира...

Самолет стоял еще несколько дней на позициях артиллеристов. Авиаторы сняли двигатели, всю ценную аппаратуру. А остальное начали потихоньку растаскивать десантники - кто кусок дюрала оторвал на пол палатки, кто присмотрел какую-то деталь, а Русинову пришлось по душе "НЗ" - летный паек.

Потом крылатую машину попытались отбуксировать к горам. "Впрягли" десантную самоходку. Ни с места. Вызвали еще две. И Степанов увидел такую картину: три машины, надрывая свои мощные двигатели, медленно волокут брюхом по земле изуродованный самолет, словно муравьи гигантскую стрекозу.

Под горами попытались поджечь останки "Ан-двенадцатого". Но ни тут-то было. Чем его только ни поливали! А потом махнули рукой - ценного ничего нет. Пусть стоит себе. Этого только и ждали десантники. После во многих палатках можно было найти часть обшивки. Остальное довершили афганцы. У них металл в большой цене. Для ремесленника, кустаря дюраль как находка. Растащили все до последней заклепки.

Вот об этом трагическом случае и вспомнил Степанов, болтая со своим закадычным другом.

— Так выпьешь? - спросил Русинов.

— Немножко можно. Но самому как-то не с руки...

— Почему - "самому"? Вон подполковник-советник. Наш, из Гродно. С афганцами пришел... Да и я составлю компанию.

Капитан позвал советника. Предложил выпить. Тот охотно согласился. Еще бы! Со своими... Русинов вскрыл ножом банку с кашей, разогрел ее на сухом спирте. Налил в кружки.

— Хватит, хватит, - остановил Степанов. - Днем, в жару с ума сойдешь. Да и вообще - пить до двенадцати дня...

— Брось свои интеллигентские замашки... И не делай умное лицо. Ты же советский офицер...

Алексей послал подальше приятеля, выпил спирт и принялся закусывать. Стало тепло. Закурил. Советник, не заставивший себя долго упрашивать, сразу разговорился.

— Мне бы взвод ваших хлопцев, чудеса бы с ними делал... - хвалил подполковник десантников. - А с этими, - он кивнул в сторону афганцев, - и не знаешь... Доживешь ли до утра или тебя найдут на помойке с перерезанным горлом. А то еще и пошинкуют, как капусту...

— Что бы вы делали, дай вам взвод десантников? - заинтересовался старший лейтенант.

— Во-первых, хорошо бы их подготовил. Оттенировал бы в горах. Не один месяц для этого нужен. А потом со взводом одиночными перещелкал бы любую банду. Заметьте, одиночными... Не очередями...

— Оно понятно, - согласился Степанов.

— Мне бы с полгодика их потренировать... - продолжал советник.

— Полгодика... - Русинов скривился. - Нас подняли и сразу бросили сюда. Какая там подготовка... Только на аэродроме выдали карты. И то не всем. Тогда, наконец, мы поняли, куда летим.

— Вот это точно, - подтвердил Степанов, - а готовили нас воевать в лесисто-болотистой местности.

— Да что зря кулаками махать? - прервал разговор "вэдээсник". - Может, еще понемногу?

Лицо советника оживилось.

— Давай, - сказал он.

На этот раз старший лейтенант отказался.

После второй подполковника, как говорится, повело. Он достал фотографию красивой шатенки лет тридцатипяти, показал десанникам: "Жена". Те посмотрели на нее, потом на советника. Он казался значительно старше супруги, хотя кто знает, сколько лет назад сделана фотография.

Подполковник начал перечислять то, что он уже переслал в Гродно. Сколько дубленок, какую радиоаппаратуру. Похвастался, что у него еще наберется и на "ГАЗ-двадцать четвертую". Это уже было лишним. Степанову стало неприятно слушать хвастливые откровения. А Русинов, мужик деловой, практичный, начал расспрашивать, сколько советник получает афганей, какие вещи лучше покупать здесь, чтобы с выгодой продать дома. Налил гостю еще спирта. Алексей остановил было, дескать, хватит, но на него уже не обратили внимания.

Разговор перешел в следующую стадию, когда подвыпившие начинают "понимать" друг друга и постукивать кулаком в грудь. Правда, больше это касалось советника. Русинов был мужиком крепким...

В рейде память Степанова запечатлела не то, как ночью выходили из района, а трассеры прошивали колонну и с боков, и спереди, и сзади. Как подрывались на минах танки. Как в перевернувшемся "бэтэре" задавило начальника штаба полка. Как погибли еще восемь человек... Нет, Алексею запомнилось не это. В последний день, когда проходили через какой-то кишлак и машины с трудом переваливали через глубокий, разбитый гусеницами арык, у дороги стоял старик-дехканин и лопатой бросал под колеса землю.

Он улыбался всем своим добрым морщинистым лицом, и улыбками отвечали шурави, благодарно кивая головами. На обочинах стояли афганские ребятишки. Десантники бросали им с машин пачки с галетами и сухарями, банки с консервами, сахар, сигареты. А те ловили на лету скромные солдатские дары, смеялись, махали на прощание руками, бежали за машинами, соревнуясь, кому больше достанется... Все это напоминало о чем-то мирном и теперь уже далеком. Когда были те "теплые" ученья? – Месяцев девять назад. Станция Скрибовцы под Лидой, улыбающиеся дети, взрослые с цветами... И яблоки... Много-много яблок, которые сыпали прямо ведрами в люки боевых машин...